

ИРЛАНДИЯ
ОТ ВИКИНГОВ
ДО НОРМАННОВ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Т. А. МИХАЙЛОВА

ИРЛАНДИЯ
ОТ ВИКИНГОВ
ДО НОРМАННОВ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2012

УДК 80/81
ББК 81.2Ирл-2
М 69

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 12-04-16052

Рецензенты:

доктор филологических наук *Н. А. Ганина*,
кандидат филологических наук *Е. А. Парина*

Ответственный редактор

доктор филологических наук *И. И. Чельшева*

Михайлова Т. А.

М 69 Ирландия от викингов до норманнов: Язык, культура, история. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 400 с., ил.

ISBN 978-5-9551-0615-1

Книга представляет собой попытку интерпретации резких изменений, затронувших как социальное устройство, так и культуру и язык Ирландии в течение IX—XII столетий. Эти перемены начались с приходом в Ирландию викингов, и последствия этого почти трехвекового завоевания принято оценивать отрицательно. Однако автор пытается взглянуть на эту давнюю проблему по-новому и стремится найти положительные стороны присутствия викингов в социальном и культурном пространстве Ирландии. С одной стороны, он видит их в многочисленных приобретениях (ко рабельное дело, рыболовство, возникновение городов, появление рынков, чеканка монет и т. д.), с другой — дает описание последствий разрушения замкнутости ирландской культуры раннего Средневековья, проявившихся в появлении новых тем и сюжетов в нарративной традиции, возникновении собственной историографии, открытости влиянию европейской культуры в целом, включая античную. Социальные и культурные перемены неизбежно повлекли за собой и чисто языковые изменения, которые объясняются влиянием викингов лишь опосредованно, но которые также образуют стройную систему.

Издание предназначено для всех интересующихся кельтским и скандинавским Средневековьем, а также для филологов, историков и лингвистов широкого профиля.

ББК 81.2Ирл-2

*В оформлении переплета использована фотография
“Looking down to the sea”, Dave Cook*

ISBN 978-5-9551-0615-1

© Институт языкознания РАН, 2012

© Т. А. Михайлова, 2012

© Языки славянской культуры, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
<i>Глава I. Скандинавское завоевание</i>	11
Золотой век древнеирландской культуры: несколько слов вместо введения	11
Нашествие викингов: исторический план	17
Скандинавские заимствования	52
Скандинавское завоевание: результаты и последствия	67
Образ викинга в ирландской средневековой традиции	76
<i>Глава II. Культура и история: X—XII вв.</i>	92
Анналы	92
Книга захватов Ирландии	113
Осмысление Библейской традиции: <i>Псалтырь строф</i> и другие трактаты (несколько наблюдений)	135
<i>Чудо Колума Килле</i> — памятник XI века?	166
Предания о королях Ирландии	200
<i>Разрушение Трои</i> и другие обработки античных сюжетов	252
<i>Глава III. Среднеирландский язык</i>	292
«Среднеирландский» — проблема временных рамок	292
Лексические изменения	297
Перестройка фонетической системы	314
Артикль	318
Существительное	322
Прилагательное	328
Перестройка системы личных местоимений	332
Финитные и нефинитные формы глагола, выделение копулятивных конструкций	341
Именной указатель	361
Принятые сокращения и литература	371

ОТ АВТОРА

Наше исследование было задумано как продолжение вышедшей в 2010 г. книги *Древнеирландский язык: краткий очерк*. Ограничив исторически объект нашего описания кратким временем с 795 до 1169 гг., а лингвистически — так называемым «среднеирландским периодом» истории ирландского языка, мы собирались набросать поверхностную схему социальных и исторических перемен, произошедших в это время и вызванных, естественно, завоеванием викингов, затем — кратко охарактеризовать основные памятники словесности указанной эпохи, и затем — уже более основательно описать главные языковые изменения, которые, так сказать, проложили мостки от вычурного, книжного древнеирландского языка к живому языку современных ирландских диалектов. Последнюю задачу в основном мы считаем выполненной, хотя и тут обнаружилось огромное количество лакун, которые еще только предстоит заполнить (например, системное развитие лексики и семантики, изменение системы числительных и использование счета «по двадцаткам», развитие копулятивных конструкций на фоне постепенного исчезновения номинативных клауз и многое другое). В том, что касается задачи первой (краткая характеристика культурных и социально-исторических изменений), то тут мы столкнулись с таким количеством проблем, загадок и парадоксов, что задуманный в начале как «вводный», этот раздел нашего исследования постепенно сам собой разросся и превратился чуть ли не в основной и самоценный. Степень глубины анализа описанного нами материала не всегда одинакова: местами это попытка дать относительно поверхностный очерк, местами не удавалось удержаться от более подробного исследования. Ну что же, значит так тому и быть.

Дело, видимо, в том, что мы постепенно поняли, что вся «древнеирландская архаика», которую принято датировать раннехристианским периодом (VI—VIII вв.) и за которой принято было просматривать еще более ранние пласты устной языческой культуры, на самом деле оформилась в нарратив именно в среднеирландский период (X—XII вв.), когда возникла потребность в диалоге уже не с латинской ученой традицией, а с собственной культурой прошлых столетий, с собственной архаической традицией, которую для этого еще надо было... создать. Кроме того, изобретенную «историю гойделов» надо было еще как-то соотнести с мировой историей, да и с какими-то фрагментами, действительно восходящими к более ранним местным устным преданиям. И происходило это во многом противоречиво, непоследовательно, иногда — наивно, иногда — искусно. Наверное, нашу позицию здесь можно назвать разоблачительной, но конечно, далеко не все загадки были нами разгаданы и далеко не все «спрятанные источники» были найдены и раскрыты. Возможно, и в нашей «разоблачительности» есть тоже доля наивности: и историки, и поэты, и составители нарративной традиции того времени, как мы подозреваем, уже во многом утратили присущую более ранним компиляциям (надо же хоть во что-то верить!) установку на достоверность. Не случайно писец XII в. закончил знаменитую эпопею *Похищение Быка из Куальнге* в «Лейнстерской книге» такими словами: «Благословение каждому, кто достоверно запомнит *Похищение*, как записано здесь, и ни в чем от него не отступит». За этим торжественным финалом добавлена фраза на латинском языке (предположительно она принадлежит так наз. «писцу Т», см. [O'Sullivan 1966: 24]): «Я же, который записал эту повесть (*historiam*), а точнее вымысел (*fabulam*), не беру на веру рассказанных здесь историй. Ибо многое здесь наущение лукавого, иное причуда поэзии. Одно возможно, другое нет. Иное назначено быть развлечением глупцам» [Похищение 1985: 327].

Мы предполагали также дать краткий очерк того, что мысленно называли «диалогом с собственной традицией», воплотившимся как в многочисленных ученых трактатах и описаниях, так и в среднеирландских глоссах к более ранним текстам. Мы полагали, что именно глоссы могут продемонстрировать а) как изменилась социокультурная ситуация в стране и б) как изменился за три-четыре столетия сам ирландский язык. Мы и сейчас продолжаем так считать, более того, мы пришли к мнению, что среднеирландские глоссы к более ранним тек-

стам, причем рассмотренные именно с двух названных нами фокусов исследования, представляют собой настолько важный и интересный объект изучения, что он достоин отдельной, глубокой и кропотливой работы, находящейся уже за рамками нашего обзорного очерка¹. Мы надеемся еще не раз возвращаться к данной проблеме и призываем обратить на нее внимание наших читателей.

Условно говоря, «ученые трактаты» (*Старины мест*, Dindshenchas, *Перечни жен*, Van-shenchus, *Верность имен*, *Sóig Anmann*, разного рода поучения, а также огромный пласт агиографической литературы и многое другое) — все это также осталось вне нашего специального исследования и если и фигурирует где-то, то скорее как фон общей нарративной традиции, общей совокупности фоновых знаний ученой аудитории нашего периода. Но мы понимаем важность этого фона, без которого, наверное, и не могли бы быть созданы дошедшие до нас тексты-нарративы.

А создано в описанный нами трехвековой период было на самом деле так много, и творения эти были столь разнообразны, что невольно задаешься вопросом: а так ли уж проиграли ирландцы от вторжения викингов? Так ли уж значительны были их потери по сравнению с приобретениями? И стоит ли жалеть о том, например, что тяжелый древнеирландский «глагольный комплекс» уступил место легким среднеирландским аналитическим конструкциям? Все это, как и многое другое, не было упадком, это была жизнь во всем ее разнообразии форм и проявлений. Период «упадка и разрушения» начался в Ирландии только после 1169 г. с приходом норманнов, да и то не сразу. Но пока не будем об этом!

¹ В качестве очень частного примера подобного подхода см. нашу небольшую работу «Почему не следует впускать волчицу в свой дом, или Древнеирландская юридическая традиция глазами среднеирландского глоссатора (к трактату *О кровавом лежании*)» в [Михайлова 2004а: 149—166].

Глава I

СКАНДИНАВСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Золотой век древнеирландской культуры: несколько слов вместо введения

Период с конца VI до конца VIII века принято называть «золотым веком» древнеирландской культуры. Как пишет, например, известный историк ирландской церкви Кэтлин Хьюз: «Присущая ирландцам любовь к учености, унаследованная ими еще от времен язычества, сочеталась с любовью к письму и изобразительному искусству в целом. Поэтому латинское христианство породило так много рукописей. Художники украшали их миниатюрами, выполненными как в старом стиле, так и по новым образцам. Ирландские кузнецы посвящали свое мастерство прославлению Христианской церкви. Ирландцы отправлялись в паломничества, “в поисках спасения и одиночества”, но также крестили народы. Они основывали скриптории и на Континенте, писали ученые труды и помогали расцвету ученой премудрости в Галии IX в.» [Hughes 1967: 90]. Действительно, нарисованная картина во многом верна, и в данный период действительно Ирландия являла собой своего рода «остров учености», где на христианской базе создавались и латинские труды, и автохтонные трактаты, писались стихи как религиозного, так и светского содержания, формировались законы и даже — записывались саги, действие которых уходит далеко в языческое и мифическое прошлое. И все же нарисованная картина, наверное, выглядит слишком идиллической. Говоря о расцвете ученой традиции в раннехристианской Ирландии, мы не должны думать, что на смену воинственному железному веку с принятием христианства автоматически наступил век золотой, прерванный лишь из-за вторжения скандинавских орд.

Далеко не гладко складывались и взаимоотношения между властью светской и представителями Церкви. В их конфликтах можно увидеть, в принципе, продолжение соперничества между жреческим институтом и властью военной. Если изначально в религии кельтов главенствующее положение занимал друид, стоящий выше короля, то с развитием социальных отношений, естественно, королевская власть стала претендовать на главенство. Именно это, как принято считать, во многом обусловило относительно раннее и мирное принятие христианства: оно призвано было сменить друидизм, уже себя изживший. При этом, как принято считать, представители христианской Церкви отчасти унаследовали функции друидов, с одной стороны, способность к магическому «слову», с другой — особое, почетное положение в обществе. Как писал еще А. Н. Веселовский: «Когда с водворением христианства значение друида поблекло, его место за царской трапезой занял священник, но непосредственно за ним сидит оллам, королевский фил, старший в иерархии. Представители светского знания и предания, филы остались, их ореол лишь немного потерял от своего прежнего блеска» [Веселовский 1989: 326]. К «почитаемым сословиям» относили деятелей церкви и ранние правовые трактаты. Так, например, известный трактат, датируемый началом VIII в. *Crith Gablach* (усл. пер. «Добыча вил»?) кончается словами:

Cía de as sruithiu, in rí g fa epscop? Is (s)ruithiu epscop, húare arnéraig rí(g) fo bith creitme; tuargaib epscop dano a glún ria rí g [CG 24] — Кто более почитаем? Король или епископ? Более почитаем епископ, ибо встает король перед его религией; встает же епископ с колен перед королем.

Но действительно ли взаимоотношения между светской и церковной властью в доскандинавский период складывались так узаконенно гладко?

В саге *Борома* есть небольшой, но достаточно яркий эпизод разговора короля Аэда со святым Колумом Килле, в ходе которого Аэд спрашивает: «Сколько из тех королев, что встретил ты, отправятся в рай?» Колум Килле отвечает ему, что лишь трое, и первым называет правителя Айргиаллы некоего Даймина Дамаргайта: «Ибо не случилось ему отказать клирику или попрекнуть его, и никогда не посягал он на храм и часовню, а подносил дары Господу» [Предания и мифы...

1991: 185]. Если неизвестный Даймин выделяется этим среди других, то нетрудно представить себе модель поведения по отношению к клиру других ирландских королей.

Конечно, надругательство над святым и проявление неуважения к нему в самом высшем смысле не умаляло его святости, поскольку не лишало его уподобления Высшему Образцу и, возможно, даже напротив, приближало его к нему, придавая особый налет мученичества. Интересно, что именно так понимал это и сам святой Патрик, который в своей *Исповеди* неоднократно упоминал о гонениях и притеснениях, отчасти даже преувеличивая их степень. «Я отправился к ибернским язычникам, — говорит он, — проповедовать Евангелие и переносить поругания от неверных, и претерпеть поношение в странствии своем, и многие преследования, вплоть до оков» [Патрик 1995: 148]. Если упоминание оков в данном случае является скорее речевым жанровым штампом, то тем не менее говорить о том, что его миссия проходила совершенно беспрепятственно, мы также не можем. Но идея жертвенности и претерпевания оскорблений и им самим, и его последующими интерпретаторами могла мыслиться как нечто обязательное. Интересно, что именно в таком духе объясняет неизвестный составитель так называемого «псевдоисторического» Пролога к трактату *Senchus Mor* эпизод убийства братом короля Лойгайре Нуаду близкого друга и, видимо, возникшего святого по имени Одран: король якобы хотел проверить, придерживается ли Патрик на практике христианского идеала всепрощения (см. [McCone 1986]). Патрик, как сказано в этом тексте, в дальнейшем добился того, что Нуаду был казнен, но при этом заручился для него прощением Небес и гарантией вечной жизни (как мы понимаем, совершенно новая и во многом революционная идея для языческой Ирландии середины V в., чьи представления об ином мире до сих пор не ясны и являются предметом спорных реконструкций), но в данном случае главное для нас не в этом. Если, возможно, эпизоды, в которых ирландский святой изображается униженным, и появляются в текстах исторических саг и в житийной литературе не по «недомотру» составителя, случайно пропустившего их, а с известной долей намеренности, — то есть как иллюстрация смирения святого и уподобления его Христу — это ни в коей мере не оправдывает поведение самих ирландских королей. Причем мы не можем предполагать, что сцены, подобные приведенной выше, были лишь вымыслом, выгодно оттенявшим личность изображаемого святого, подобно описанию со-

вершаемых им чудес и реализации его проклятий. Их достоверность подтверждается не только частотой встречаемости в текстах нарративного характера, но и данными хроник.

Как пишет с большой осторожностью та же К. Хьюз в другом месте, «акции насилия светской власти против церкви были не очень часты и до 830 г. распространены не всюду <...> Справедливо будет отметить, что до этого времени, если представители светской власти и совершали насилие против клириков, это обычно не носило массового характера, а было направлено против отдельных личностей <...> К тому же монастырь мог требовать за это компенсации <...> Если церкви и сжигались, то часто это происходило случайно...» [Hughes 1966: 197].

Действительно, первым ирландским королем, который последовательно занимался разграблением церквей и массовыми убийствами клириков, был король Мунстера Федельмид мак Кримтанн (ум. 847), о котором принято говорить, что он «сжег монастырей и церквей больше, чем все викинги вместе взятые»¹, личность яркая и неоднозначная. Однако и до него случаи убийства монахов и разграбления монастырей и церквей были достаточно частым явлением. Так, например, *Ульстерские анналы* отмечают в 746 г. акт вандализма в одной из церквей, вызванный тем, что там пытались укрыться шесть человек, объявленных вне закона: люди короля ворвались туда за ними, в результате чего сама церковь оказалась разграбленной и почти разрушенной, а все шестеро были убиты, видимо, как-то особенно жестоко (в тексте хроники — *сгусиати*, букв. ‘крусифицированы’). В этих же *Анналах* отмечается, что в 776 г. во время конфликта между Уи Нейллами и Мунстером пострадал монастырь Дурроу, а в 780 г. был убит аббат монастыря Дайре. Как пишет Д. О’Коррань, «задолго до начала рейдов викингов ирландские монастыри подвергались нападениям и разграблениям ирландскими же королями» [Ó Connain 1972: 85]. Так, в 757 г. монастырь Келл Мор Дитрайб был сожжен Уи Кримтаннами, в 789 г. король из рода Уи Файлге сжег монастырь Килконферт, а в 793 г. был разграблен и сожжен Армаг. По данным А. Т. Лукаса, за период с 612 до 792 гг. в *Анналах* сожжения и разграбления монастырей упоминаются тридцать раз [Lucas 1967]. Кроме того, возрастающее благосостояние

¹ Особой ненавистью Федельмида пользовался монастырь Клонмакнойс. Согласно преданию, королю Федельмиду во сне явился святой Киаран, покровитель этого монастыря, и ударил его копьем в живот. Утром на животе его действительно обнаружилась рана; король уже более не вставал и через год умер.

монастырей превращало их в богатую добычу, особенно во время голода и эпидемий. Так, голод 773 г. вызвал множество набегов на монастыри, а падеж скота в 777 г. привел к нападениям на монастыри Килдаре, Клонмор и Килдалки [Ó Sogáin 1972: 87—88].

Но надо отметить, что вооруженные конфликты могли провоцироваться и самими клириками. Так, короли Блатмак и Диармайд, сыновья Аэда Слане (VII в.), напали на монастырь Рахада, чтобы изгнать из него святого Мохуду, против которого были настроены другие клирики. Более того, так называемые *Belliolum*, «маленькие войны», вспыхивали и между самими монастырями (764 г. — Клонмакнойс и Дурроу, 760 г. — Бирр и Клонмакнойс, 807 г. — Корк и Клонферт) и даже внутри самих монастырей (в 783 г. отмечены боевые действия между сторонниками аббата монастыря Ферн и эконома этого же монастыря). Но все же данные примеры являются скорее исключениями. В основном клирики и монастыри предстают как жертвы алчности и жестокости ирландских королей и их междоусобных войн.

Как известно, большое число ранних ирландских рукописей было обнаружено не в самой Ирландии, а на континенте, что принято объяснять следующим образом: опасаясь разрушительных рейдов викингов, ирландские монахи бежали в Европу, спасая самое ценное, что у них было. Сказанное отчасти также является мифом, поскольку массовая эмиграция из Ирландии началась уже в конце VI в. Как пишет М. Шайтан, «Алкуин, восхвалявший “образованнейших учителей” Ирландии, для населения страны не мог выбрать более мягкого эпитета, чем “народ весьма дикий”. Несоизмеримая разница культурных интересов и полное отчуждение поставили уже давно перед монашеской церковью дилемму: просвещать родину или покинуть ее? <...> Не только жажда применения своих неиспользованных сил и благочестивое рвение, но и *внешнее давление* побуждало ирландцев покидать родину для новой, обетованной земли» [Шайтан 1925: 182]. И поэтому слова Н. Чэдвик о том, что в начале скандинавского вторжения «в эти Сады Гесперид ворвались наши северные соседи викинги и похитили яблоки» [Chadwick 1962: 15], звучат слишком романтично и далеки от истины.

Добавим, что значительный урон духовной жизни в монастырях наносили и частые эпидемии, в основном чумы, которая распространялась очень быстро среди общин, жизнь внутри которых проходила очень «скуденно». Эпидемии 549 и 664—66 гг. не только унесли множество жизней, но и породили в монастырях своего рода «эпидемию